

Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

Институт гуманитарных наук
Кафедра русского языка и методики преподавания филологических
дисциплин

На правах рукописи

Баев Евгений Владимирович
ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ВЛИЯНИЯ НА
ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ВЕЖЛИВОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Направление подготовки:
45.06.01 «Языкознание и литературоведение»

Направленность (профиль) образовательной программы:
«Русский язык»

Научный доклад
Об основных результатах научно-квалификационной работы
(диссертации)

Научный руководитель

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка и
методики преподавания филологических
дисциплин
Захарова Мария Валентиновна

Москва
2021

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Работа посвящена изучению влияния языковой игры на уровень лингвистической (не)вежливости высказывания. Категория лингвистической (не)вежливости рассматривается как бинарная, как следствие – оба типа речи (вежливая и невежливая) являются предметом интереса настоящего исследования. Хотя в фокусе находятся влияющие на вежливость высказывания механизмы языковой игры, проявляющиеся как в устной, так и в письменной речи, в настоящем исследовании мы сосредоточили свое внимание на письменной речи, так как она предоставляет большее количество легкодоступного материала для изучения. Языковую игру мы рассматриваем в широком смысле – как осознанное нарушение языковой, речевой, коммуникативной или лингвокультурной нормы.

Актуальность настоящего исследования обусловлена самим фактом обращения к относительно молодому направлению лингвистической мысли – изучению лингвистической вежливости, в рамках которого на данный момент наблюдается достаточно большое поле для исследований. Вежливость коммуникации является возможным ключом к раскрытию принципов коммуникации как таковой и организации коммуникативного акта. Понимание принципов реализации вежливости и того, как участники коммуникации соблюдают их или, наоборот, нарушают с целью реализации прагматических задач необходимо для понимания условий продуктивной коммуникации и эффективного коммуникативного воздействия, что востребовано как современной наукой, так и различными областями практической деятельности, использующими лингвистические достижения для повышения продуктивности.

Само по себе изучение вежливости является уже подтвердившим свою значимость на протяжении нескольких десятков лет направлением исследований междисциплинарного характера (лингвистика, социология, психология и т.д.). Выразителем наиболее перспективных идей и флагманом

данного направления является специализированный научный международный журнал «Journal of Politeness Research».

Целью изучения вежливости на теоретическом уровне является понимание того, как люди успешно управляют межличностными отношениями для достижения личных и групповых интересов [Watts, Ide, Ehlich 2005: 1], какие средства того или иного языка для этого используются, какие языковые и внеязыковые механизмы влияют на выбор этих средств и их эволюцию.

Данное явление становилось объектом изучения многих отечественных и зарубежных исследователей: Е.И. Беляева, Т.Г. Винокура, В.Е. Гольдина, Д. Гордона, Е. Гофмана, П. Грайса, В.З. Демьянкова, Е.А. Земской, Г. Каспера, Дж. Лакофф, Р. Лакофф, Дж. Лича, Н.И. Формановской, Б. Фрейзера и др. В последние годы интерес исследований все больше сосредотачивается на исследованиях вежливости в Интернет-среде. Например: в коммуникации школьников [Евсеева, Кожеко, 2014]; вежливость в деловой Интернет-переписке [Кожеко, 2015]; уменьшение угрозы с помощью стратегий позитивной и негативной вежливости рекламных Интернет-текстов, рассматривавшихся как ликоугрожающие речевые акты¹ (далее – ЛУА), изучалось Г.М. Тельминовым [Тельминов, 2010, 2011, 2012, 2013]; этикет коммуникации в Интернет-пространстве изучался Н.А. Карабань [Карабань, 2018]; конкретные формы речевой агрессии, сформировавшиеся в среде Интернет изучались на примере «троллинга» и «флейминга» [Воронцова, 2016]; особенности реализации «троллинга» изучались на материале французского языка [Абдуллина, Артамонова, 2017]; троллинг также изучался с точки зрения несоответствия этико-правовым нормам [Курьянович, 2018]; лексико-семантический и грамматический уровни реализации речевой агрессии исследовались в т.ч. и на русскоязычном языковом материале [Смирнов, 2017].

¹ Под ликоугрожающими актами в теории Браун-Левинсона понимается любой речевой акт, который угрожает социальному лицу коммуниканта [Brown, Levinson, 1988].

Данное исследование проводилось на стыке так называемого «постмодернистского» подхода в изучении лингвистической (не)вежливости и более классических принципов ее изучения, заложенных в оригинальной теории Браун-Левинсона. Дискурсивный постмодернистский подход существует ориентировочно с начала 21 века; он вырос из слияния признания основных положений универсальной теории Браун-Левинсона и ее наиболее активной критики. В центре внимания сторонников дискурсивного подхода находится «алгоритм» всех действий, позволяющих коммуникантам прийти к выводу о том, как им следует оценить то или иное высказывание [Introduction: The Linguistic Politeness Research Group 2011: 5]. Эти исследователи призывают к анализу гораздо больших по сравнению с отдельными предложениями или отдельными высказываниями фрагментов аутентичного ежеминутного взаимодействия коммуникантов, получившего название «relational work» (деятельность коммуникантов по созданию межличностных взаимоотношений между собой) [Locher, Watts 2005].

В настоящем исследовании мы принимаем тезис о том, что лингвистическая (не)вежливость не является чем-то детерминистски связанным с определенными лингвистическими формами и функциями, но предполагаем, что последовательное выделение языковых единиц, обладающих сходной формой и/или функцией все-таки является рациональным подходом в изучении лингвистической (не)вежливости, даже если данные единицы исследуются в отрыве от крупных фрагментов аутентичного взаимодействия коммуникантов. В частности, данный вывод был сделан потому, что в поле изучения данной работы попали коммуникации в условиях, где невозможно четко выделить фрагменты деятельности коммуникантов по созданию межличностных взаимоотношений, но где все еще существуют ЛУА. Кроме того, мы полагаем, что, несмотря на отсутствие детерминированности лингвистической вежливости у языковых единиц, последовательность

коммуниканта в их употреблении повышает предсказательные способности его собеседников относительно вежливости данной формы.

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что в нем впервые подвергаются анализу механизмы использования и прагматическая мотивация использования носителями русского языка языковой игры в речевых актах, которые объективно могут быть расценены как вежливые или невежливые.

Общепризнанным является стремление речевой интеракции к гармоничному бесконфликтному существованию собеседников, в связи с чем особый интерес вызывает желание некоторых коммуникантов рискнуть и изменить уже устоявшуюся форму того или иного высказывания. Не менее интересны, однако, и причины использования языковой игры в невежливой речи, самой сутью которой является выражение негативных эмоций по отношению к собеседнику. Сам факт использования языковой игры как в вежливых, так и в невежливых, как в регламентированных, так и в нерегламентированных коммуникативных актах, ставит вопрос о принципах сосуществования этого явления с явлением вежливости.

В качестве **объекта** исследования выступает языковая игра, использованная коммуникантами в ликоугрожающих актах. **Предметом** исследования являются интенции, побуждающие коммуникантов использовать языковую игру в ликоугрожающих актах, и способы ее использования.

Целью настоящего исследования является определение прагматического потенциала языковой игры в реализации лингвистической (не)вежливости.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**:

1. Выделение основного механизма изменения (не)вежливости высказывания на основании теоретических работ, посвященных (не)вежливости.

2. Сбор теоретического материала, посвященного тому, какие языковые факты соотносятся исследователями с языковой игрой.
3. Поиск примеров использования языковой игры коммуникантами в спонтанном речевом взаимодействии в ЛУА.
4. Описание основных способов создания языковой игры в ЛУА и анализ по дискурсивной методике того, как осуществляется прагматическое воздействие на собеседников.
5. Разработка методики для лингвистического эксперимента, чтобы в контролируемых условиях изучить частотность и условия использования языковой игры в ликоугрожающих (или ликоподдерживающих) актах – в сравнении с более традиционными методами вербализации (не)вежливости.
6. Сбор и анализ данных эксперимента в соответствии с целью исследования.

Теоретической базой исследования являются в первую очередь работы П. Браун и С. Левинсона по лингвистической вежливости, исследования в рамках коммуникативной прагматики таких ученых, как Дж. Уоттс, М. Локхер, Г. Элен, Е.Л. Ерзинкян, Н.Д. Арутюнова, В.З. Жельвис, Н.И. Формановская, И.А. Стернин, труды Т.А. Гридиной, Е.А. Земской, В.З. Санникова по языковой игре, и работы Дж. Сёрля и Дж. Остина по речевым актам.

Методологически работа опирается на **дискурсивную методику анализа**, применяемую в рамках постклассических направлений исследования (не)вежливости, а также (в меньшей степени) на **квантитативную методику анализа языковых единиц**.

Дискурсивный метод предполагает, что исследователь изучает более крупные (по сравнению с отдельными предложениями или высказываниями) фрагменты аутентичного ежеминутного взаимодействия коммуникантов [Locher, Watts, 2005: 11-13], поэтому в рамках анализа материалов, собранных в Интернет-пространстве, мы рассматривали не отдельные посты,

а их тематические и хромотопные объединения (треды); если данные, полученные при наблюдении разных тредов позволяли говорить о наличии какого-либо тематического дискурса, мы заявляли о его наличии и рассматривали примеры как часть одной продуктивной модели, действующей в рамках этого дискурса. В рамках эксперимента мы работали с искусственно сконструированными на основе реальных аутентичных диалогов фрагментами коммуникативного взаимодействия, так как для целей исследования необходимо было поставить коммуникантов в четко заданные условия. Объектом анализа же становились прямые реальные реакции респондентов.

Квантитативный метод предполагает работу с матрицей цифровых данных, полученных при сборе языкового материала, с помощью статистических методов [Кашеева, 2013]. Считается, что для качественного факторного анализа требуется не менее 100 участников или случаев, для корреляционного – не менее 30, а для простого сравнения достаточно и 15 [Кашеева, 2013]. В нашем случае квантитативный метод применялся в основном при анализе данных, полученных в результате лингвистического эксперимента. Это связано с тем, что в его рамках мы имели дело с четко определенными проявлениями коммуникативного выбора респондентов, воплощенных в конкретных речевых актах. Материалы же, собранные в сети Интернет, с трудом поддаются качественному подсчету: он осложняется тем, что языковая игра может быть рассредоточена по нескольким речевым актам, может повторяться (в случае если она уже обладает определенной степенью идиоматичности) даже в рамках одного треда и т.д.

Материалом исследования служат речевые акты и диктеты письменной разговорной речи между носителями русского языка, включающие в себя языковую игру в той или иной форме. Для исследования в рамках качественного метода материалами послужила выборка тредов (тематических веток обсуждения) объемом в 6000 постов, размещенных на коммуникативной платформе «Двач» в период 2019-2021 гг. Для факторного

анализа материалами послужили 1768 парных ответов в форме завершения 6 разных диалогов, собранных от 292 респондентов. В рамках предварительного эксперимента по квантитативной методике сравнения участвовало 28 респондентов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Языковая игра может использоваться в ликоугрожающих актах.
2. Языковая игра может служить механизмом повышения лингвистической (не)вежливости высказывания, и используется либо для создания компенсирующего действия, либо для повышения угрозы ЛУА.
3. Неаутентичная невежливость, по своей сути, фактически является языковой игрой, так как в целом представляет собой нарушение нормы употребления языковых единиц (например, заданной коннотации), часто сопровождаемого комическим эффектом.
4. Существует зависимость между желаемой степенью вежливости высказывания и частотностью обращения к языковой игре коммуникантов. С высокой вероятностью можно утверждать, что чем выше заданная (не)вежливость, тем больше вероятность использования языковой игры.
5. Степень вероятности использования языковой игры возрастает при наличии прецедента ее использования в предшествующей коммуникации.

Работа состоит из введения, двух теоретических глав (первая глава состоит из четырех параграфов, вторая глава состоит из трех параграфов), одной практической главы (разделенной на три параграфа), заключения, списка литературы из 115 пунктов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

I глава посвящена истории изучения и границам понятия «лингвистическая (не)вежливость». Рассматриваются основные направления изучения вежливости в разных направлениях лингвистики: **когнитивной лингвистики** (Н.Д. Арутюнова, Э.Р. Атаян, Э. Бенвенист, К. Бюлер, В.З. Демьянков, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лэнекер, Ч. Моррис, Ч. Пирс, А.А. Потебня и др.), **теории речевых актов и прагматической теории языка** (А. Вежбицкая, З. Вендлер, Р. Лакофф, С. Левинсон, Л. Лински, Дж.Р. Серль, Дж. Остин, И.П. Сусов, П.Ф. Стросон, Е.В. Падучева и др.), **теории коммуникативного поведения** (Р.С. Столнейкер, И.А. Стернин и др.), **теории коммуникативной нормы и этики речевого поведения** (Н. И. Формановская, В. С. Храковский, И. Гофман, Г. Грайс, Дж. Лич и др.), **теории лингвистической вежливости** (Р. Лакофф, П. Браун и С. Левинсон, Б. Фрейзер, Дж. Иилин, Р. Уоттс, Дж. Калпепер, Т.В. Ларина, Ф. Коулмас и др.). Даются определения терминам «этикетная вежливость», «лингвистическая вежливость», «лингвистическая (не)вежливость», «вежливость₁ и вежливость₂», «неаутентичная невежливость». Описывается эволюция взглядов зарубежной лингвистики на границы и состав понятия лингвистической вежливости; приводится критика некоторых положений классической теории вежливости Браун-Левинсона и переосмысление этой теории в рамках постмодернистского подхода. Отдельно описываются понятие «лингвистическая невежливость», долго выпадавшее из поля наблюдения классических теорий. Особое внимание уделяется понятию неаутентичной невежливости как специфическому явлению, находящемуся за рамками нормативного коммуникативного взаимодействия.

Во II главе рассматривается явление языковой игры; приводятся определения языковой игры разных исследователей, выделяются общие положения, описывающие механизмы создания и воздействия языковой игры. Кратко описывается эволюция термина «языковая игра» от

«примитивного языка», «единого целого: язык и действия, с которыми он переплетен», как ее понимал Л. Витгенштейн, до поздних интерпретаций этого термина отечественными лингвистами: Е.А. Земской, Т.А. Гридиной, В.З. Санниковым. Описываются функции языковой игры в ее нынешнем понимании: эстетическая и поэтическая, словотворческая, игровая, инвективная.

В первом параграфе III главы описываются критерии отбора материала и структура и ход проведенного лингвистического эксперимента. Далее данная глава делится на две части: анализ материалов, извлеченных из сети Интернет и анализ данных лингвистического эксперимента.

Материалы Интернет-коммуникации отбирались на основании соответствия двум факторам: ликоугрожающий статус речевого акта и наличие в нем языковой игры. Анализ включает в себя классификацию выделенных примеров языковой игры по языковым уровням: фонетический и графический, лексический и словообразовательный, морфологический и синтаксический. Особо описаны закономерности создания и функционирования креолизованных текстов, включающих в себя языковую игру.

Языковая игра (далее – ЯИ) работает в качестве инвективизирующего компонента, также придающего инвективе адресность. Коммуникантами используются искаженные наименования профессий («пыневики», «слабовики»), сторонников идеологии или определенных убеждений («срассисты»), социальной группы («безумная сосака»), и даже стереотипа («натрахи») и наиболее абстрактного объединения в лице народа («норот»). Однако несмотря на то, что достаточно просто отнести эти примеры к проявлению невежливости, если рассматривать их как изолированные лексемы, дискурсивный анализ показывает, что их прагматический потенциал шире, чем обычная невежливость: некоторые из получившихся инвективов могут быть использованы в функции неаутентичной

невежливости, т.е. служить вербализацией солидарности между коммуникантами или в группе коммуникантов.

ЯИ может быть основой для составления новых лексем. Однако встречаются комплексные языковые явления, когда ЯИ является основной для создания новых лексических единиц (по одной модели), но используется в составе более крупных единиц определенного типа (составленных по одному шаблону), создавая таким образом своего рода новый тип речевого акта. Примером может служить следующий речевой акт, подобные которому часто встречаются в рамках русско-украинского политического дискурса: «ОП – горелодупый понадусёровый одебилевший рагулевсратый говнопереможный баттхертопроткнутый мазохистованный щеняздохлый австрияпедерастовый иудакакольский дупораненый блиндажегрелый перемозгородный руиноздобулый свинорейховый героеславный бандерокаклокарасешвайнопескарь!». Этот и подобные ему речевые акты составлены из множества окказиональных инвективов, принадлежащих к разным категориям (сексуальные, скатологические, зоологические и пр.), но составленных по одной словообразовательной модели: сложение с помощью соединительной гласной. Кроме того, данный тип речевого акта отличает чрезмерность употребляемого количества инвективов, стремление авторов к использованию нарочито сложных слов (с более чем двумя корнями) ближе к концу (создающее интонационное ударение), а также соединение несоединяемых элементов и дополнительная ЯИ в пределах отдельных лексем. Например, слово «перемозгородный» составлено из слов «перемога» и «зрада», но автор ЯИ «путает» фонемы между собой для реализации на фоне двух украинских лексем русской лексемы «мозг»; в слове «руиноздобулый» морфема «руин» является искаженным с помощью фонетической ЯИ словом «Украина».

На этом уровне также наблюдается использование ЯИ в целях реализации неаутентичной невежливости, см. пример, встреченный в сообществе любителей истории, использующийся в качестве игрового

обвинения в симпатии политике Цезаря: «Ну ты и хрюкнуло! Цезаресосущее псевдоримское полудикое рабское внутри легионоживотное». Игровой характер данного речевого акта (далее – РА) подтверждается как семантикой высказывания, так и его структурой: аналогичные РА используются в современной политической дискуссии, связанной с упреками в симпатиях к политике непопулярной у оппонента стороны, которой не может являться Цезарь, находящийся за пределами актуальных жизненных интересов всех участников коммуникации.

На повышение солидарности работает также и другой пример, где ЯИ реализует в первую очередь игровую и эстетическую функцию: «Лайкайте этот комментарий, если живете на постсоветском госматриархальном плядокукольдском скотомогильнике». Об этом говорит контекст, в котором данный пример был встречен. Основанием для данной фразы коммуниканта №2 послужил крупный фрагмент текста коммуниканта №1, где окказиональные элементы описанного выше типа, а также похожие на них нормативные лексемы, фиксировались по отдельности в разных местах текста. Коммуникант №2, отметив большое количество однородных элементов, которые могли бы быть использованы в речевом акте описанного выше типа, составил из них текст соответствующего типа. Коммуникант №1 в ответ уточнил причины создания высказывания («А что не так с этой фразой?»), так как они не могли быть мотивированы предшествующей коммуникативной ситуацией (а именно – коммуниканты №1 и №2 не находились в конфронтации). Далее коммуникант №2 прямо подтвердил эстетическую функцию данного речевого акта («Ничего. Просто хорошо набитая фраза»).

Использование ЯИ для создания невежливости здесь подчиняется следующей общей логике: в условиях анонимного общения практически невозможно найти что-то, позволяющее создать индивидуализированный ЛУА, поэтому коммуниканты регулярно прибегают к созданию искаженных вариантов слов, выражающих семантику «групповой личности»: этноса,

социального слоя, профессии, гражданства. К той же семантике «групповой личности» обращается и неаутентичная невежливость, с той разницей, что выбираются номинации, говорящие о солидарности коммуникантов.

ЯИ в креолизованных текстах, в целом, мало отличается от ЯИ в обычных вербальных текстах. ЯИ часто реализуется при помощи иконического элемента на основе приемов использования особых фонетических подсистем («Мыкола, сынку, йді сало їсти!», размещенная на фоне динозавров; «Абі не як у москалів» на фоне картины Васи Ложкина, где голые люди отрезают себе гениталии).

Также мы выделили особый прием **ложной речевой маски**. В отличие от выделенного Земской приема речевой маски, когда коммуникант использует речевые средства, характерные для изображаемого говорящего. В данном случае коммуникант поступает иначе. Он искажает встреченные им фразы, прибегая, например, к фонетической языковой игре, передразнивая оппонента, либо создает креолизованный текст, в котором иконический элемент служит иллюстрацией-оскорблением собеседника, а вербальный текст – закрепляет узнавание, например: «Я вижу, что ты лахта, даже не отрицай русачок. Я украинец, поэтому я всегда прав» наложенное на картинку свиньи из мультфильма позиционируется как слова, сказанные собеседником украинской национальности. Прием ложной речевой маски также используется вместе с цитацией: оригинальная или искаженная фраза коммуниканта цитируется вместе с непредставительным изображением, которое должно олицетворять коммуниканта.

Анализ данных, полученных с помощью лингвистического эксперимента, осуществлялся двумя путями. Во-первых, это описание закономерностей, выделенных через дискурсивный анализ и сравнение коммуникативных выборов респондентов в одних и тех условиях, но с разной интенцией. Во-вторых, это факторный анализ, опирающийся на статистические данные о коммуникативных выборах респондентов.

В рамках малого эксперимента мы предлагали коммуникантам сравнить два речевых акта – один из которых был явным выразителем (не)вежливости, а второй был составлен с помощью языковой игры. Показательно, что коммуникантами не было дано единогласной оценки наличию угрозы в форме явно конфликтного речевого акта при использовании в нем языковой игры – то есть сам факт языковой игры оказывал влияние на оценку вежливости речевого акта. Кроме этого, коммуниканты, оценивающие конфликтный речевой акт как нейтральный или вежливый, указывали в качестве ограничения контекст дружеской беседы или шутки – следовательно, у нас появились основания предполагать, что уменьшение угрозы речевого акта с помощью языковой игры является стратегией, применимой исключительно или чаще всего в контексте неформального дружеского общения.

Ряд респондентов малого эксперимента разделили вежливое и невежливое употребление анализируемых форм не по степени близости собеседников, а по наличию или отсутствию ЯИ, предложил прямую интерпретацию игровых конструкторов. Например, при оценке идиомы «иди лесом» в функции речевого акта отказа, один из респондентов указал, что форма является вежливой при указании дороги. При оценке идиомы «прохладно» в функции контакторазрывающей формы ЯИ с приемом рифмовки («да ладно – прохладно») другой респондент предложил аналогичную интерпретацию данной формы как вежливой: «если действительно прохладная погода».

На основании данных малого эксперимента мы сформулировали следующие общие выводы:

1. Языковая игра, основанная на создании крупных синтакстических единиц, обладающих фразеологической связанностью, чаще и лучше действует как инструмент увеличения вежливости (снижения угрозы) речевого высказывания, чем языковая игра, основанная на употреблении уже закрепленных коротких идиом.

2. Языковая игра, меняющая форму изначально конфликтного высказывания, воспринимается как менее невежливая, чем языковая игра, меняющая форму изначально вежливого и этикетного высказывания.
3. Успешность смягчения угрозы напрямую зависит от языкового опыта коммуниканта и его способности дешифровать языковую игру. Непонимание языковой игры респондентами однозначно связывается с невежливостью – вплоть до того, что даже если коммуниканты сами языковую игру поняли, но подозревают, что ее могут не понять другие, они указывают на ее потенциальную невежливость по отношению к этим людям. В связи с этим интересен тот факт, что «виновным» кажется тот коммуникант, который употребил речевой акт, непонятный собеседнику, а не тот коммуникант, который не смог его дешифровать.
4. Существует корреляция между частотностью употребления по крайней мере некоторых форм языковой игры и их восприятием как «(не)вежливых».

С увеличением формализованности речевого акта в ощущениях носителей языка сам этот речевой акт, хотя и не может стать «невежливым», увеличивает степень своей угрозы в определенных, как правило, не формализованных коммуникативных контекстах. Иначе говоря, ответ «спасибо» в интернет-переписке или личном общении друзей может казаться слишком формальным (недостаточно хорошо демонстрирующим позитивное лицо коммуниканта) и вызывает желание употребить менее формальную, «игровую» его вариацию (*пасиба, пасибки, спасяб, посебо, спасибочки и т.п.*). Однако в настоящем исследовании мы не ставили целью изучить именно область интернет-коммуникации, и потому такая ситуация не моделировалась.

Самый однозначный вывод состоит в том, что новые формы фатических речевых актов, образуемые с помощью языковой игры, обычно

направлены на снижение угрозы, а не на ее увеличение. Кроме того, коммуниканты, как правило, склонны ограничивать само употребление языковой игры сферой дружеского, неформального общения, отмечая резкое увеличение степени угрозы при употреблении языковой игры в сфере формального общения.

Общие выделенные на этом этапе закономерности таковы:

- При употреблении языковой игры в контексте, где первооснова уже маркирована как вежливая респонденты отмечают увеличение степени угрозы.
- При употреблении языковой игры в контексте, где первооснову трудно маркировать как вежливую респонденты, наоборот, отмечают снижение степени угрозы.

Двухуровневый эксперимент, являющийся во многом ключевой частью настоящего исследования, опирался на гипотезу о том, что языковая игра может использоваться для влияния на уровень лингвистической вежливости высказывания. Мы предлагали респондентам серию коммуникативных ситуаций, в которых им предлагалось завершить коммуникацию – но не один раз, а несколько, причем каждый последующий способ должен был быть либо вежливее («мягче») предыдущего, либо наоборот – невежливее («жестче»). Предположение состояло в том, что если бы наша гипотеза о том, что ЯИ используется в качестве способа увеличить/уменьшить (не)вежливость высказывания оказалась верна, то как минимум в части случаев мы бы зарегистрировали обращение к намеренному нарушению языковой нормы высказывания для достижения поставленной перед респондентами прагматической цели.

Задачей дискурсивный анализа коммуникативного выбора респондентов в большом эксперименте в первую очередь было подтвердить валидность самой модели эксперимента. Чтобы заявлять о большей степени (не)вежливости (или более сильном выражении ликоугрожающей семантики) во вторых вариантах ответов респондентов, нам требовалось подтвердить это

на материале ответов без ЯИ. Поэтому в рамках изучения каждого диалога нами кратко описывались основные неигровые методы увеличения (не)вежливости.

О валидности эксперимента говорят такие паттерны коммуникативного выбора, как предпочтение использования инвективов в сильном варианте реализации невежливости их неиспользованию в слабом; использование неаутентичной невежливости в сильном варианте в противоположность формально-нейтральному подходу в слабом; увеличение объема ответа в сильном варианте в противоположность краткости ответа в слабом; использование РА с более сильной семантикой накладываемых обязательств в сильном варианте и т.п. Что касается ЯИ, то мы выделили различные способы образования ЯИ в рамках формирования ЛУА: от графической и фонетической языковой игры до иронического принижения.

К примеру, в рамках анализа последнего, шестого диалога² (продемонстрировавшего наиболее полный набор различных приемов ЯИ) мы выделили употребление приемов паронимической аттракции («смотри не залети:»), цитации («хороший птиц,дохлый птиц»), рифмовки («большой птиц без больших яиц», «да у нас тут звезда-пизда оказывается смотри с пьедестала не упади»), развертывания общеязыкового образа («смотри шею не сломай, орлица :D»), метонимической конкретизации («Ахуеть, блядь.Из воробьихи в сороку переквалифицировалась. Пиздец прям. Ну и скатертью дорожка, пошла тада нахуй с моей ветки!»).

Квантитативный метод, сосредотачивающийся на количестве ответов с ЯИ в первых и вторых вариантах завершения диалогов дает смешанные результаты. В первом диалоге мы наблюдаем значимый перевес в пользу вторых вариантов – 15 случаев использования ЯИ во вторых вариантах

² Диалог №6.

— придется нам перестать общаться :(

— што? Почему это?

— получила повышение на работе. Я теперь большой птиц, куда вам до меня :D

— ???

против 3 случаев в первых. Причем респонденты, использовавшие ЯИ в первых вариантах, использовали ее и во вторых, что может объясняться индивидуальными коммуникативными предпочтениями респондентов. На основании данного диалога можно сделать вывод, что ЯИ используется в качестве механизма увеличения вежливости высказывания, дополнительно стимулируя положительный отклик – не в последнюю очередь за счет использования неаутентичной невежливости.

Схожий перевес наблюдается и в данных по второму диалогу: 4 случая использования ЯИ в слабых вариантах против 12 случаев в сильных. Из 4 респондентов, включивших ЯИ в первый вариант, один использовал ее и во втором. На этом основании можно сделать вывод, что для увеличения невежливости высказывания ЯИ также может использоваться.

Количественная разница для третьего диалога незначительна – 27 случаев против 28, причем только в 5 можно говорить об индивидуальных предпочтениях респондента (т.е. об использовании ЯИ в обоих вариантах). Кроме того, сложность подсчета в данном случае мешает установить точно, не имеем ли мы дело с перевесом случаев использования ЯИ в пользу слабых вариантов (прием рифмовки, отталкивающийся от фразы «и че?», может быть довольно неочевидным, поэтому мы воздержались от подсчета ответов по типу «ни че/ниче» если не находили иных факторов, побуждающих воспринимать это как намеренное искажение лексемы «ничего» – например, при наличии акцентуации графическими символами «))»), указывающими на ироничность высказывания).

Результаты, схожие с более ранними, продемонстрировали четвертый и пятый диалоги: 6 против 10 случаев использования ЯИ, и 11 против 27, преимущественно для реализации невежливости (в обоих диалогах).

Также ЯИ использовалась в 52 первых вариантах и в 68 вторых вариантах завершения шестого диалога – цифры, показывающую значительную количественную разницу, возможно, менее очевидную на фоне частотности использования ЯИ в данном диалоге.

Представим также частотность использования ЯИ на графике:

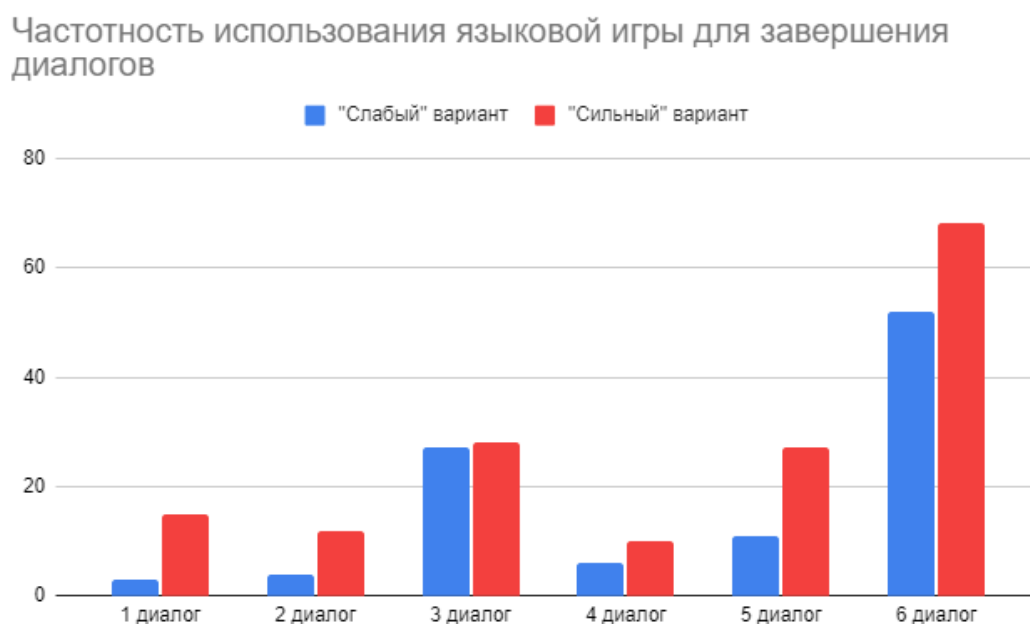

Рисунок 1. Частотность использования языковой игры для завершения диалогов.

Как можно заметить, существует не всегда значительный, но последовательный перевес случаев использования ЯИ в т.н. «усиленных» вариантах: ЯИ в них используется чаще. С другой стороны, по всей видимости, отсутствует взаимосвязь между степенью конфликтности диалога или однозначностью интерпретации слов собеседника: существует значительная количественная разница между, к примеру, неконфликтным первым диалогом и потенциально конфликтным шестым, однако она значительно меньше между бесконфликтным первым диалогом и открыто конфликтным вторым.

Однако на этом фоне отчетливо видны «всплески» активного использования ЯИ в третьем и шестом диалогах. Это легко объясняется тем, что именно в данных диалогах виртуальный собеседник респондентов оставлял «ключи» к потенциальному использованию ЯИ: возможность для различных видов остроловия в форме рифмовки («и че?») в третьем диалоге, и перифрастическая номинация («большой птиц») создающая игровое пространство для приемов развертывания общезыкового образа, метонимической конкретизации и т.п. Даже в пятом диалоге, где

наблюдается не такой яркий «всплеск» использования ЯИ существует несколько стертый, но все же продуктивный ключ для использования различных видов остроловия (вопрос «когда?» после конфликтного начала диалога стимулирует на конфликтный ответ).

ВЫВОДЫ

На основании проведенных исследований мы пришли к определенным выводам. Во-первых, языковая игра определенно встречается в ЛУА: на примере полученных данных мы видим, что она в основном используется в речевых актах оскорблений («ты дурак или да?»), часто – для создания инвективов, в т.ч. на основе лексем, которые изначально никакого инвективного значения не имеют («срассист», «социоложество»).

Во-вторых, по результатам малого эксперимента мы видим, что существует зависимость между наличием языковой игры в речевом акте и вежливостью, которая не может быть объяснена инвективной семантикой нового слова. Так, респонденты отмечали увеличение степени угрозы в контексте, где первооснова уже была вежливой: даже речевые акты благодарности воспринимались как менее вежливые, если в них использовалась языковая игра. С другой стороны, при употреблении языковой игры в контексте, где первооснова не являлась однозначно вежливой, респонденты отмечали снижение степени угрозы: т.е. языковая игра выступала в качестве компенсирующего действия.

Особенно важным мы считаем однозначный вывод о том, что даже фонетические/графические виды языковой игры влияют на вежливость высказывания: уже в малом эксперименте респонденты однозначно указывали на снижение вежливости в речевых актах с метатезами и пропуском гласных («посебо/ пасиба» воспринимались как менее вежливые, чем «спасибо»), а в большом эксперименте встречались примеры, где более сильный ЛУА отличался только графическим или фонетическим обликом («Ок» / «Оккккккк»).

Разумеется, степень вежливости речевых актов может быть оценена лишь в сравнении с другими речевыми актами, а не сама по себе. В большом эксперименте мы неоднократно сталкивались с тем, что респонденты использовали языковую игру как в речевых актах, которые должны были быть «слабее» в качестве ликоугрожающих, так и наоборот. Поэтому можно говорить о том, что языковая игра часто воспринимается как компенсирующее средство по сравнению с «прямыми» ЛУА. Но все же языковая игра используется в первую очередь для реализации именно невежливости, а также неаутентичной невежливости.

Неаутентичная невежливость продемонстрировала природную связь с явлением языковой игры. Во-первых, инвективное значение, служащее целям неаутентичной невежливости, часто формируется с помощью языковой игры. Во-вторых, они сходны по механизму действия: и неаутентичная невежливость, и языковая игра, работают как языковые средства, которым свойственно реализовывать невежливость, но которые приобретают способность содействовать реализации категории солидарности в определенных условиях. О зависимости восприятия вежливости ЯИ от коммуникативного контекста свидетельствуют и результаты малого эксперимента. Коммуниканты особо подчеркивали, что те речевые акты с языковой игрой, которые они маркируют как невежливые, могут являться вежливыми в «дружеской переписке», «если обращено к друзьям», если употреблены «в шутку» и т.п.

Из этого следует еще более важный вывод: языковая игра в рамках категории вежливости всегда действует как средство вербализации невежливости. Она делает менее вежливыми однозначно вежливые высказывания, повышает степень угрозы неоднозначных речевых актов, но, в случае если употребляется в дружеской коммуникации или ином контексте, где есть потенциал для реализации категории солидарности, становится более сильным языковым средством для выражения вежливости. Так же действует неаутентичная невежливость: изначально невежливые языковые

средства в контексте дружеского подтрунивания или построения групповой идентичности становятся более вежливыми, чем другие, изначально нейтрально-вежливые средства. Это указывает на глубокую психологическую связь между явлениями языковой игры и неаутентичной невежливости, объединенными как механизмом воздействия, так и реализуемым комическим эффектом. Открытым остается вопрос, можно ли считать языковую игру частным способом реализации неаутентичной невежливости или же можно включить неаутентичную невежливость в список типов языковой игры.

Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что использование языковой игры в коммуникации зависит от того, насколько приемлемым считается ее использование в данном коммуникативном пространстве. При анализе примеров из сети Интернет мы нашли, что чем больше наблюдается примеров использования языковой игры в ЛУА в определенном дискурсе, тем больше в нем примеров языковой игры, построенных по одной продуктивной модели. Это объясняется тем, что продуктивные модели языковой игры (если они служат созданию речевых актов оскорблений, критики и т.п.) провоцируют эскалацию конфликта и стимулируют стороны к формированию новых ЛУА по данной модели. Факт наличия языковой игры в ЛУА не позволяет коммуниканту ограничиться простой ответной репродукцией уже использованного инвектива; он вынужден обратиться к своим лингвокреативным способностям, чтобы уровень реализуемой невежливости соответствовал уровню невежливости ранее использованного ЛУА.

Схожие данные предоставляет факторный анализ большого эксперимента: наблюдаются явные всплески частотности использования языковой игры для создания ЛУА при условии наличия прецедента, роль которого в большом эксперименте выполняло использование языковой игры или удобных ключей для нее виртуальным коммуникантом.

Основные положения научной квалификационной работы отражены в следующих публикациях:

Научные статьи, опубликованные в ведущих периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

- ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВЕЖЛИВОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 3. С. 717-721.
- ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕВЕЖЛИВОСТЬ СРЕДИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В АНОНИМНОМ ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ // «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2021. №3. С. 157-160.
- ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЙ И ИХ ПОСТОЯНСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СОЛИДАРНОСТИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ // «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология». 2021. №? С. ?-?.

Научные материалы, опубликованные в других изданиях:

ДЕЛОВЫЕ ТЕЛЕФОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ БРАУН - ЛЕВИНСОНА

В сборнике: Русистика и компаративистика. Сборник научных трудов по филологии. Сер. "Научное издание" Главный редактор С.А. Васильев. Москва, 2017. С. 223-235.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ УСПЕХА КОММУНИКАЦИИ С УЧЕТОМ ФАКТОРА АНОНИМНОСТИ

В сборнике: Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. 2019. № 2 (10).
С. 2.

Цитируемая литература

1. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 345 p.
2. Watts R.J., Ide S., Ehlich K. Politeness in Language, 2nd ed. — Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2005. – 404 p.
3. Locher M.A., Watts R.J. Politeness Theory and Relational Work // Journal of Politeness Research. Language, Behaviour, Culture, 2005. – Vol. 1, iss. 1. – P. 9-33.
4. Кащева А.В. Квантитативные и качественные методы исследования в прикладной лингвистике // Социально-экономические явления и процессы. 2013. №3 (049). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvantitativnye-i-kachestvennye-metody-issledovaniya-v-prikladnoy-lingvistike> (дата обращения: 22.05.2021).